

Издержки глобального лидерства и «соседская» международная политика

Леонид Ефимович Бляхер, Тихоокеанский государственный университет,
Хабаровск, Россия

Адрес для связи: leonid743342@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В предлагаемой статье рассматриваются тенденции в области международных отношений, связанные во многом с распадом социалистической системы как важнейшего полюса международной политики, но особенно ярко проявившиеся в последние годы, в том числе в период пандемии. По мнению автора, четкая структура международного пространства в духе мир-системы И. Валлерстайна со столь же четкими правилами игры связана с наличием энфорсера. Энфорсером здесь выступает страна или группа стран, навязывающая определенные формы коммуникации и делающая поведение агентов международного политического пространства предсказуемым. Такая позиция для энфорсера, кроме всего прочего, дает возможность получения выгод (материальных и статусных), превышающих его издержки, что не в последнюю очередь определяется относительной гомогенностью акторов международного пространства (государств). Однако в реальности, как показано в статье, в мире гораздо больше вариантов политий, которым в определенных условиях удобно имитировать государственные политические институты. Изменение условий, способствующих росту разнообразия, ведет к резкой эскалации издержек энфорсера и уменьшению привлекательности самой позиции энфорсера. Когда лидер несет все более значительные издержки, он перестает выполнять свои функции, поэтому на место заданной энфорсером институциональной системы приходит иной способ организации международных отношений – межличностное (персональное) доверие, которое возникает и укрепляется при личном общении. До недавнего времени такие «клубы лиц, принимающих решения» не столь ярко, как энфорсер, но связывали глобальный мир. Однако пандемия нарушает и этот тип коммуникации, точнее, затрудняет его. В результате на первый план выходят проблемы внутренней политики и связанные с ней международные проблемы. Глобальная политика сменяется «соседской» политикой. От того, насколько успешно страна сможет понять новые тенденции, зависит ее место в формирующемся мире активного соперничества региональных игроков без глобального лидера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*мировой энфорсер, международное пространство, государство,
двухслойные структуры, «соседская» политика*

Структурным изменениям в мировом политическом пространстве за последние годы в экспертной среде уделяется большое внимание. При этом сами оценки этих изменений менялись даже у таких авторитетных авторов, как Ф. Фукуяма, который в свое время считал идентичность¹ новой и потенциально конфликтной основой отношений между государствами. Все чаще в научной литературе предпринимается попытка не столько проанализировать конкретный кейс или ситуацию, сколько осмыслить концептуально основы трансформаций, достаточно явно протекающих на наших глазах. Такие тенденции очевидны в статистических изысканиях Н. Талеба², в модели олигополиса, разрабатываемой в трудах С. Сассен³, или, к примеру, в концепции противостояния «политики места» (территориальных государств) и «политики потока» (глобального мира) З. Баумана⁴.

С другой стороны, не менее популярны попытки как-то связать устойчивые и признанные теории международных отношений с фиксируемой реальностью. Вполне понятно, что Ялтинско-Потсдамская парадигма международных отношений с ее тщательно выстраиваемой коллективной безопасностью, четко отработанной системой норм и процедур сегодня разрушается⁵ не только по причине отсутствия «второго полюса силы», но и вследствие ряда качественных изменений, о которых речь пойдет далее. Это понимание инициирует поиск новых оснований для выстраивания модели политики в мировом масштабе. В рамках этой тенденции можно выделить работы, посвященные переходу к «многополярному миру», возможной смене мирового гегемона⁶, ослаблению действенности международного права⁷. При этом механическая экстраполяция, как правило, имеет большое количество ограничений при осмыслении событий, происходящих в реальности. В силу этого возникает необходимость в такой модели, которая будет отвечать специфике поставленной задачи и в то же время соответствовать объективным реалиям.

В данном случае речь идет о вполне сложившейся и признанной модели мир-системы, возникшей в ходе экспансии капитализма в мировое пространство⁸ и, соответственно, повлиявшей на принципы и правила, его структурирующие. Сам И. Валлерстайн в разные периоды описывает эти структуры по-разному. Но в предложенном исследовании принципиально важен сам факт структурной организации, где единым основанием выступает, во-первых, понимание, что мир при всех его изменениях и неоднородностях остается «миром государств» и, во-вторых, что при взаимодействии между этими государствами вырабатываются «правила игры», которые и позволяют существовать системе. Они включают в себя как правила взаимодействия в рамках самих подструктур (центр, периферия, полупериферия и т.д.), так и между ними.

Однако за последние годы эта вполне логичная система сталкивается с определенными трудностями при объяснении новых мировых трендов. Это

1 Fukuyama 2018.

2 Taleb 2010.

3 Сассен 2000.

4 Bauman 2003.

5 Юнгблуд 2020.

6 Логинов 2010.

7 Kagan 2003.

8 Wallerstein, Terence 1982.

признает и сам автор, говоря о конце либерализма и смерти модерна¹. Международные правила игры, которые позволяли говорить о международном политическом пространстве как о мир-системе², не исчезают, но все менее справляются с основной задачей объяснения происходящих процессов. Мир становится непредсказуемым.

Мировой энфорсер

Одним из ключевых концептов, возникающих довольно часто, когда речь заходит о социальных порядках и их особенностях³, становится концепт энфорсера. Под ним понимается личность или структура, ответственная за поддержание порядка и соблюдение правил игры и которая выступает необходимым элементом упорядоченности уже в рамках внутриполитической связи по модели Олсона-Макгира⁴. В этом контексте энфорсер, подавляя различия в социальном организме, делает его агентов более предсказуемыми относительно друг друга. Тем самым упрощается коммуникация, разрешается классическая «Гоббсова проблема»⁵ превращения мира войны «все против всех» в мир структурированной социальности. Инструментом в этом случае выступает насилие, или, если быть точнее, его особый тип – легитимное насилие, воспринимаемое в качестве значимого общественного блага⁶. От характеристики энфорсера и его генезиса, от особенностей инструментов, которые он использует при «производстве порядка», от особенностей легитимации насилия в обществе зависят и характер политического режима, и наиболее устойчивые и одобряемые социальные практики, принятые в данном обществе. В отечественной традиции понятие «энфорсер» активно использует В.В. Волков⁷.

Важно понимать, что роль энфорсера притягательна, прежде всего потому, что в ее основе лежит господство и изъятие. Чем больше энфорсер может изымать, используя при этом легитимное насилие, чем меньше его издержки в процессе изъятия, тем более привлекательна в социуме роль энфорсера. В противном случае энфорсер постепенно превращается в «бандита-гастролера», используя терминологию М. Олсона, теряет монополию на насилие и легитимность. Однако здесь речь идет о государстве и порядке, складывающемся внутри территории, оформляемой сувереном. Но, как представляется, нечто подобное существует и в международных отношениях⁸, и потребность в подобной структуре в рамках организованного и глобального мира ощущается не менее остро.

Конечно, международные правила поведения складываются из множества двусторонних и многосторонних договоров, из распространенных практик достижения согласия и баланса сил. Однако сам факт существования междуна-

1 Wallerstein 1999.

2 Wallerstein, Terence 1982.

3 North et al. 2009.

4 Olson 1965.

5 Филиппов 2009.

6 Круглова 2015.

7 Волков 2005.

8 Langer 2015.

родных «правил игры» предполагает наличие энфорсера, на которого возложена функция поддержания порядка¹ и принуждения к исполнению этих правил. Он определяет приоритет норм и задает основания для такого определения. Именно его наличие поддерживает работу системы институтов не в меньшей степени, чем консенсус по поводу самих институтов.

Не столь важно для данного исследования, выполняет эту роль то или иное государство, надгосударственная структура или «концерт держав». Значение имеет то, что наличие достаточно широкого консенсуса по поводу общепринятых правил и энфорсера гарантируют предсказуемость в международных отношениях.

Позиция международного (мирового) энфорсера, как и в классической модели, упомянутой выше, предполагает получение некоторых преимуществ за издержки поддержания мирового порядка. Конечно, здесь достаточно редко речь идет о простом изъятии в виде дани или налога. Чаще всего это не только помощь в содержании армии (прямая или косвенная), но признание и использование национальной валюты, определение правил в международной торговле и т.д. По существу, общие правила формулируются, как и в случае с внутригосударственным энфорсером, исходя из собственных потребностей. И чем больше выгоды от позиции энфорсера превышают его издержки, тем более привлекательной оказывается сама позиция, и наоборот, чем выше издержки, тем менее привлекательной будет позиция энфорсера, даже при ее максимально высоком репутационном статусе. Ведь энфорсер в данном случае – это государство или группа государств, которым необходимо решать и внутренние проблемы, реализовывать свою функцию суверена на основной территории. При этом, в отличие от «внутреннего энфорсера», переход на уровень «бандита-гастролера», то есть отказ от производства порядка в пользу чистого изъятия, как правило, связанный с военными действиями, здесь маловероятен, поскольку именно он сопряжен с самыми высокими издержками.

Баланс издержки / выгоды не в последнюю очередь связан с тем, насколько сами институты, поддерживаемые энфорсером, являются выгодными для «подвластных» (в терминах И. Валлерстайна) – для стран мировой периферии и полупериферии. Если для «подвластных» стран, то есть стран, находящихся в пространстве международного права, выгоды от его наличия выше, чем издержки, связанные с принятием этих правил и, следовательно, неизбежным ущемлением государственного суверенитета, то теми или иными моментами «идентичности» или суверенности просто жертвуют. В противном случае возникает сопротивление энфорсеру. Собственно, это сопротивление и вынуждает энфорсера к активным действиям, повышая его издержки. С другой стороны, готовность стран взаимодействовать в рамках институтов, сложившихся под влиянием энфорсера, делает его издержки относительно низкими, но эта институционализация является сложным процессом.

1 Olson 1965.

Государство как симулякр: двухслойные политические структуры

Утверждение, что современный мир – это мир государств¹, стало уже трюизмом. Вместе с тем, как представляется, оно релевантно ситуации только в том случае, если предельно расширять понятие «государство», понимая под ним любой политический режим, воспринимая государство в качестве зонтичного понятия. Империя, федерация, союз племен вливались в область, обозначаемую концептом «государство». При этом под самим понятием, по сути, подразумевалось именно государство модерна, обладающее вполне определенным набором характеристик, не вполне релевантных иным типам политики². Распространение же этих атрибутов создавало путаницу и в плане анализа конкретных кейсов, и в плане возможного прогноза поведения политических агентов.

До определенного времени такое понимание не препятствовало и функционированию международных отношений, и их анализу. Однако в последние годы ситуация изменилась, и для понимания этих изменений необходимо также рассматривать их в историческом контексте. Возникшая в Европе XVII в. политическая форма – государство – в силу экспансии европейцев на весь мир постепенно становится если не единственной, то господствующей. Все иные формы оттесняются на мировую периферию, вынужденно обзаваются атрибутами, свойственными именно господствующему типу политики. Однако политические «иные» до второй половины XX столетия остаются экзотикой международных отношений или выступают их объектом, некой «территорией», за контроль над которой конкурируют субъекты. Для того чтобы оказаться в положении субъекта, многим империям приходилось становиться «государствами».

В середине XX в. в связи с развалом колониальной системы число государств резко возрастает. Но государства эти были довольно специфическими. Внешне все атрибуты государства как особой формы политической организации общества, сложившейся в Европе и закрепленной Вестфальским миром³, имели место. Более того, в большинстве новых образований формировалось «демократическое устройство» с выборными магистратами, парламентом и прочими необходимыми атрибутами. Только функции этих элементов в рамках новых политий были существенно иными⁴. Сложившиеся до эпохи колониализма политические организации (империи, союзы племен и др.) вполне удовлетворяли местное население. Да и приход цивилизаторов не был и не воспринимался в качестве трагедии. Ведь это цивилизованный европеец знал, что цветные безделушки, простые инструменты и старые ружья стоят намного дешевле, чем меха, золото, серебро, специи и прочие продукты местного хозяйства. Автохтонный житель знал другое. За бессмысленные кусочки металла и шкурки зверей, которых даже нельзя съесть, он получал важные для настоящей жизни предметы, которые позволяют ему возвыситься в местном (настоящем) социуме.

1 Melville 2009.

2 Каспэ 2007.

3 Ibid.

4 Бляхер 2014.

Постепенно возникала местная европеизированная элита, которая получила образование в метрополии, занимала значимые посты в колониальной администрации. Но элитой ее делала именно местная структура (род, племя). Они-то и осознали существующее положение дел как несправедливое, а колониальную практику – как угнетение. Именно их усилиями колониализм оказался нерентабельным. Но свержение колониализма не привело почти нигде к реставрации прежних политических форм. Причина вполне понятна.

Эпоха колониального владычества привела к ряду необратимых последствий. Во-первых, с колонизаторами пришли элементы здравоохранения. В результате эпидемии стали гораздо менее смертоносными. Во-вторых, колонизаторы, как правило, прекращали местные войны, что тоже существенно сохраняло население. Наступает время демографического перехода: прежний уровень рождаемости при качественно более низком уровне смертности. Резкое увеличение народонаселения приводило к тому, что местное (традиционное) хозяйство уже не могло его прокормить.

Казалось бы, за годы колониального господства в обществе появились иные, гораздо более эффективные формы деятельности. Но трудовая деятельность, отделенная от досуга, – это изобретение Европы Нового времени. Для большей части человечества такого разделения не существует. Труд вплетен в социальную ткань. Человек не «работает ткачом, каменотесом или воином». Это не профессии, а форма жизни. Именно традиционное хозяйство создает статусную структуру общества, позволяет ему разрешить «Гоббсову проблему». Соответственно, необходимо сохранить прежний тип хозяйствования, обеспечив для него дополнительные внешние вливания ресурсов.

Особые проблемы создавали границы новых государств, проведенные вразрез существования устойчивых союзов племен. Конфликт между политической организацией государства модерна и лидером прежнего союза племен потенциально мог привести (и приводил) к самым катастрофическим последствиям, как например, геноциду в Руанде¹. Соответственно, были необходимы дополнительные ресурсы для поддержания мира. Эти ресурсы могла предоставить только мировая (глобальная) экономика. Элиты, создав имитацию государства, стали ответственными за такую абсолютно неразумную с точки зрения нормальной экономики перекачку средств из глобальной экономики в местное, традиционное хозяйство. Формы были различными: от явной эксплуатации периферией центра до активно функционировавшего в прошлом столетии института гуманитарной помощи. Не менее эффективно работало в этом плане и предоставление территории под военные базы. За не особенно нужную социуму землю он получает совершенно необходимые ему ресурсы.

Для того чтобы перекачка ресурсов из мирового хозяйства в местное и традиционное была возможна, необходимы структуры, способные взаимодействовать с мировой экономикой и понятные ей. Тут и возникает «государство», точнее, его имитация. «Государственные» структуры образуют здесь своего рода защитный слой, который предохраняет от прямого воздействия подлинную

1 Кривушин 2015.

социально-политическую организацию. Последняя обнаруживается в момент, когда защитный слой по тем или иным причинам разрушается (Ливия, Афганистан и т.д.¹).

Другой пример, когда «перевод» с местного языка на глобальный оказывается затруднен или невозможен. Например, в ситуации экспорта наркотиков. То, что данный психоделик, в отличие от алкоголя, является нелегитимным для глобального мира, не нарушает его вполне легитимного бытия на местном уровне. Сходная ситуация возникает, когда глобальному проекту условного Запада начинает противостоять столь же глобальный проект, скажем, всемирного халифата, базирующийся на экстерриториальных, сетевых структурах. Здесь перевод становится крайне затруднителен, и поэтому в качестве основы для понимания ситуации активно используются концепт «глобальный терроризм» или сходные с ним концепты.

В принципе, такая имитация вполне удобна для глобального энфорсера. Он получает возможность воздействовать на квазигомогенное (составленное из государств) мировое политическое пространство. В этом варианте и возникает мир-система, фиксируя взгляд на мир глобального энфорсера. Но проблема в том, что имитация государства сохраняется до тех пор, пока она функциональна для местного сообщества. В противном случае она оказывается попросту избыточной, а в определенных ситуациях – и смертельно опасной. Чем меньше ресурсов перекачивается из глобальной экономики в местную, чем тяжелее «бремя империи», тем больше областей, где невозможен перевод, актуализируется. Ужесточаются и требования к «правильным» демократиям. В условиях биполярного мира для того, чтобы та или иная полития стала бенефициаром одного из полюсов силы, хватало правильной риторики. Отчасти эта ситуация сохранялась и в первые постсоветские годы, хотя не без негативных для бенефициаров тенденций, когда число подателей благ уменьшается, а число тех, кто хотел бы войти в группу бенефициаров, увеличивается (соответственно, ужесточаются правила допуска к благам, и стремление следовать правилам для части агентов снижается).

Возрастание издержек и поиск нового энфорсера

Первым вариантом фиксации появления на мировой политической карте *Другого* стал термин «несостоявшиеся государства»². Собственно, сама структура понятия говорит о том, что привычные взгляду аналитика формы в этом пространстве отсутствуют. Последнее совсем не значит, что там нет никаких политических форм. Но существующий аналитический инструментарий их просто не видит.

В той же области расположен концепт «государства-изгои», перешедший из публицистики в политическую аналитику³. Стоит отметить, что оба этих термина к настоящему времени теряют свою популярность. Конечно, образования,

1 Шугалей et al. 2020.

2 Call 2011.

3 Харкевич 2009.

именуемые «несостоявшимися государствами» или «странами-изгоями», не исчезли, но они потеряли свою привлекательность, став частью повседневности. Сегодня эти политические образования («другие», то есть не те, к которым привык энфорсер) занимают все большую часть мира, а пространство «нормального», «мир-системного» все более сужается¹. Возникают в смысловом пространстве современного мира и качественно иные – сетевые – образования. Здесь пример всемирного халифата не единственный. По сути, таким же сетевым образованием является идея «Одного пояса, одного пути». Именно поэтому аналитики ссылаются на ее неопределенность, поскольку в парадигме мира государств она с трудом поддается интерпретации².

Для разнородного мира все менее релевантными оказываются общие «правила игры». Соответственно, усиливается противодействие им. Тем самым возрастают и издержки на «поддержание мира» (осуществление принуждения к исполнению «правил»). Частные и достаточно мягкие формы вмешательства в «естественный ход» функционирования международного права с целью покарать «безбилетника» по мере продвижения человечества в XXI в. сменяются затяжными экономическими войнами, обменом санкционными ограничениями, прямым военным вмешательством. То есть относительно «дешевые» формы поддержания порядка постепенно сменяются дорогими, существенно повышающими издержки. Рост издержек ведет к снижению объема благ для энфорсера, а значит – осмысленности, привлекательности этого статуса. Попытка введения особых режимов для собственной экономики, не связанных с «общими правилами», еще более расшатывают сами правила, лишая смысла и легитимности работу энфорсера.

Отсюда и следуют проявившиеся в последние годы стремления к изоляционизму, проведению протекционистской политики и т.д. Конечно, можно рассматривать президентство Д. Трампа как некое отклонение от основного процесса. Однако само это «отклонение» стало возможным именно в силу «усталости энфорсера». В этих условиях все чаще начинают говорить о смене глобального лидера³. И кажется, что для такого подхода есть все основания. Появляется даже альтернативная модель международной организации («Один пояс, один путь»). Однако если приглядеться к модели внимательнее, то можно обнаружить, что она просто не предполагает энфорсера и единых правил игры.

Похоже, что сама идея мирового энфорсера и единых правил – это явление уходящей эпохи. Ослабление и – в перспективе – исчезновение энфорсера ведет и к размыванию правил, к снижению предсказуемости в международных отношениях. Но кризис институциональной системы, как убедительно показали работы коллектива авторов под руководством В.М. Сергеева⁴, вполне компенсируется сетевыми конструкциями и межличностным доверием. Вместо институтов складываются «клубы лиц, принимающих решения». Эти лица регулярно контактируют друг с другом в частных и публичных форматах. Каждый успешный контакт

1 North et al. 2009.

2 Лузянин, Афонасьева 2017.

3 Brzezinski 2007.

4 Сергеев et al. 2007.

в рамках этих клубов повышает уровень взаимного доверия, делает возможным планирование в рамках международных контактов¹. Различия в политической структуре стран, из которых происходят члены этих клубов, оказываются вторичными. Имитация становится все менее осмысленной и затратной. Все большее число стран перестают имитировать государство, обнажая свое политическое «иное». Понятно, что между сходными образованиями контакт проще, чем между совсем различными. Но межличностное доверие возможно и здесь. Мир все более стремительно превращается из мир-системы в мир регионов. Но контакты между регионами все же продолжают, поддерживая иллюзию глобального мира. Международные отношения все более превращаются в контакты между людьми, обладающими гораздо более высоким уровнем доверия, чем другие.

Такие клубы вполне способны обеспечить успешное функционирование глобального хозяйства, хотя и не совсем так, как это происходило в предшествующий период. Постепенно размываются границы между элементами мир-системы, да и само взаимодействие оказывается не столь автоматическим и безусловным. Но если институты срабатывают все хуже, то этот вариант становится вполне эффективным. В область международных отношений попадают уже не столько заключенные договоры или глобальные форумы, сколько частные поля для гольфа, закрытые вечеринки и т.д. При этом и первые, и вторые должны быть достаточно регулярными, поскольку отсутствие контакта «глаза в глаза» тоже снижает уровень доверия. До самого недавнего времени с такими контактами проблем не возникало. То есть возникали проблемы с допуском в эту сферу, с вхождением в сети лиц, принимающих решения, но не с самими контактами. Сегодня ситуация начинает меняться.

Локдаун в глобальном мире

События 2019–2020 гг. показали, что мир остается если и не соорганизованным, как в модели И. Валлерстайна², то все еще вполне глобальным. Во всяком случае, описанная П. Димаджо и У. Пауэлом модель «железной клетки» сработала здесь достаточно однородно³. Согласно этой модели, аутсайдер копирует нечто в действиях лидера, что, по его, аутсайдера, мнению, и обеспечивает лидерство. При всем том, что чаще всего мнение аутсайдера достаточно слабо связано с реальностью, постепенно нововведение становится единственно возможной формой действия. А все, кто игнорирует его, просто попадают в ранг чужаков и маргиналов.

Место лидера эпохи пандемии мир отвел Китаю. Дело не только в том, что именно там болезнь возникла, но и в том, что «китайский мир» уже не один год рассматривался и политиками, и исследователями в качестве кандидата на нового энфорсера – если не единственного, то одного из. Жесткий карантин и локдаун, введенные в Китае, стали образцом для большей части стран. Сегодня страны, где эта форма борьбы с новой болезнью не применяется, рассматриваются критически.

1 Слизовский et al. 2008.

2 Wallerstein, Terence 1982.

3 DiMaggio, Powell 1983.

Возникает некий консенсус по поводу того, что подлинно гуманное правительство, заботящееся о населении и производящее «общественное благо», обязано вводить жесткие карантинные мероприятия вплоть до всеобщего локдауна. Идея всеобщего гостеприимства, высказываемая в начале текущего столетия¹, постепенно перестает упоминаться даже как церемониальная фраза. Мир вновь становится большим и разделенным. Усложнение правил пересечения границ, ужесточение контроля над лицами, их пересекающими, становятся общей практикой.

Понятно, что возможности лиц, принимающих решения, в том числе возможности по перемещению в пространстве, намного больше, чем среднестатистического жителя планеты. Тем не менее перемещение становится проблемой. Соответственно, чем больше расстояние, чем сильнее отличаются правовые и институциональные системы, тем менее вероятна регулярная коммуникация между лицами, принимающими решения из этих стран.

При этом у подобной ситуации появляются вполне очевидные бенефициары. В «Городе страхов, городе надежд» З. Бауман писал о двух типах человека, сформировавшихся на рубеже веков: «человек потока» и «человек места»². «Человек потока» живет в глобальном мире, движется под действием глобальных закономерностей, коммуницирует в этом пространстве, порождая основные хозяйственные и политические структуры нашего мира. «Человек места» живет в государстве, в более или менее замкнутом территориальном анклав. Идеалом первого является мир постоянных инноваций. Идеалом второго – безопасность и комфорт. Но проблема состояла в том, что угрозы безопасности и комфорту, как и новые возможности, приходили именно из потока, из глобального мира, воздействовать на который «человек места» при всем старании не мог. Ни «Великий китайский файрвол» (проект «Золотой щит»), ни иные мероприятия государств или локальных политий по контролю над потоком особого эффекта не давали. Тем более что именно из потока шли ресурсы глобальной экономики. Для локальных политий это создавало пространство серьезных рисков.

Собственно говоря, попытка сохранить блага глобального мира³ и одновременно избавиться от рисков, которые несет с собой глобальный поток, составляли содержание современной международной жизни. И вдруг поток стал замедляться. Представляется, что пандемия не является единственной причиной его замедления. При минимальной фиксации на проблеме можно увидеть, как поток стал постепенно останавливаться, как сокращалось «пространство гостеприимства», возрастало число «опасных мест». Целые регионы по тем или иным соображениям начинают исключаться из коммуникации. Здесь пандемия – не причина, но катализатор тенденции. Она выступила ускорителем процесса, уже протекающего в мире. Тем не менее именно карантинные мероприятия сделали эту приостановку видимой и фиксируемой.

Не секрет, что коммуникация далеко не исчерпывается вербальными формами. Более того, чем более плотной и разнообразной является коммуникация, тем выше уровень доверия. Именно межличностное доверие должно компенсировать отсут-

1 Urry 2001.

2 Bauman 2003.

3 Сассен 2000.

ствие доверия институционального, размытого в связи с ослаблением энфорсера. Консультации в очном формате остаются обычными внутри стран и границ. Они относительно регулярны для стран, находящихся в непосредственной близости, особенно если дополняются сходством политического режима или того, что скрывается под защитным слоем видимого политического режима. При этом прежний порядок неформальных консультаций в глобальном масштабе оказывается не то чтобы полностью невозможен, но существенным образом затруднен. Последнее и воспринимается как замедление потока, который теперь, оказывается, возможно поставить под контроль энфорсеру места, традиционной суверенной власти. Это часто трактуется как сплочение населения в рамках национальных государств¹ в свете угрозы пандемии. Представляется, что ситуация не вполне соответствует этому взгляду. Скорее именно внутри государства сегодня возможна наиболее полноценная и плотная коммуникация, причем не только между политическими акторами.

Соответственно, меняется и иерархия проблем. Внешние проблемы, влияющие на территорию «через поток», отступают на периферию. В центре оказываются проблемы внутренние. В плане международных отношений значимыми становятся проблемы ближайшего окружения, причем их значимость тоже связана с тем, насколько сильно они влияют на внутреннюю жизнь страны. Остальные проблемы, еще вчера казавшиеся критически важными, отходят на второй план. Так формируется особый тип политики, который уместно назвать «соседской». Именно в непосредственной пространственной близости возникают подлинные «клубы по интересам», как и самые жесткие противоречия и столкновения.

Локальные вызовы и торговые связи постепенно оказываются все более значимыми для межгосударственных отношений. Но формирующаяся структура смыслов и ценностей, в отличие от глобальной структуры, не просто не институционализирована – на данном этапе она представляет собой возможность событий, порождающую множество интерпретаций. Одна из них связана с тем, что ослабление лидера (энфорсера, гегемона) приведет не к краху глобальности, но к появлению нового лидера и энфорсера².

На роль нового энфорсера выдвигают Китай, Индию, совокупность стран БРИКС, других акторов мировой политики. Но такие утверждения либо относятся к области весьма отдаленного будущего, либо к актерам, картина мира которых просто не предполагает этой позиции. Конечно, можно утверждать, что даже массовые представления – вещь достаточно изменчивая. Соответственно, это и делают авторы и политики, призывающие Китай принять на себя роль лидера или предостерегающие его от стремления к гегемонии³. При этом не всегда учитывается то обстоятельство, что принять эту роль – значит принять на себя те издержки, которые сегодня несет энфорсер при достаточно сомнительных выгодах.

1 Пареньков, Петров 2020.

2 Кохова, Сухарев 2001.

3 Гринин 2012.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бляхер, Л.Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. – Москва: Европа, 2014. – 208 с. [Blyaher, Leonid. *The Art of Unmanageable Living. Far East*. [Iskusstvo neupravlyаемой zhizni. Dal'nii Vostok] Moscow: Evropa, 2014] [In Russian].
- Волков, В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. – Москва: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2005. – 350 с. [Volkov, V.V. *Power Entrepreneurship: an Economic and Sociological Analysis*. [Silovoe predprinimatel'stvo: ekonomiko-sociologicheskii analiz] Moscow: Izd-vo GU-VSHE, 2005] [In Russian].
- Гринин, Л.Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. – 2012. – № 2. – С. 43–61. [Grinin, L.E. "The Chinese Model and Prospects for China's Leadership in the World." [Kitajskaya model' i perspektivy liderstva Kitaya v mire] *The Age of globalization*, no. 2 (2012): 43–61] [In Russian].
- Каспэ, С.И. Центры и иерархии, пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – Москва: Московская школа политических исследований, 2007. – 319 с. [Kaspe, Svyatoslav. *Centers and Hierarchies, Spatial Metaphors of Power, and the Western Political Form*. [Centry i ierarhii, prostanstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma] Moscow: Moscow School of Political Studies, 2007] [In Russian].
- Кохова, С.В., Сухарев, А.Г. Индия: курс на мировое лидерство в области информационных технологий. Государственная политика Индии в области разработки программного обеспечения и ее плоды. – М.: Издательство Московского университета, 2001. – 87 с. [Kohova, S.V., and A.G. Suharev. *India: a Course for Global Leadership in Information Technology. India's Public Policy on Software Development and its Results*. [Indiya: kurs na mirovoe liderstvo v oblasti informacionnykh tekhnologii. Gosudarstvennaya politika Indii v oblasti razrabotki programmnogo obespecheniya i ee plody] Moscow: Moscow University Press, 2001] [In Russian].
- Кривушин, И.В. Сто дней во власти безумия: Руандийский геноцид 1994 г. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 528 с. [Krivushin, I.V. *One Hundred Days in the Grip of Madness: The 1994 Rwandan Genocide*. [Sto dnei vo vlasti bezumiya: Ruandijskij genocid 1994 g.] Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2015] [In Russian].
- Круглова, Е.А. «Государство» устарело: потребность в новом определении государства // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2015. – № 2. – С. 99–108. [Kruglova, E.A. "State is Obsolete: the Need for a New Definition of the State." [Gosudarstvo ustarelo: potrebnost' v novom opredelenii gosudarstva] *Journal of Institutional Studies*, no. 2 (2015): 99–108] [In Russian].
- Логинов, Е.Л., Логинов, А.Е. Глобальный кризис как новый формат борьбы за мировое экономическое лидерство // Финансы и кредит. – 2010. – № 18 (402). – С. 22–27. [Loginov, E.L., Loginov, A.E. "The Global Crisis as a New Format of the Struggle for World Economic Leadership." [Global'nyj krizis kak novyj format bor'by za mirovoe ekonomicheskoe liderstvo] *Finance and Credit*, no. 18 (2010): 22–27] [In Russian].
- Лузянин, С.Г., Афоняева, А.В. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2017. – № 40. – С. 5–14. [Luzyanin, S.G., Afonaseva, A.V. "Belt and Road Initiative – Political and Economic Dimensions." [Odin pojas, odin put' – politicheskie i ekonomicheskie izmereniya] *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, no. 40 (2017): 5–14] [In Russian].
- Паренков, Д.А., Петров, К.Е. Коронавирус и политика: запросы и ценности в эпоху пандемии. Международная аналитика. – 2020. – № 2. – С. 109–121. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121>. [Parenkov, Daniil, and Kirill Petrov. "Coronavirus and Politics: Demands and Values in the Age of the Pandemic." [Koronavirus i politika: zaprosy i cennosti v epohu pandemii] *Journal of International Analytics* 11, no. 2 (2020): 109–121] [In Russian].
- Сассен, С. Приведение глобальной экономики в действие: роль национальных государств и частных факторов // Международный журнал социальных наук. – 2000. – № 28. – С. 167–175. [Sassen, Saskia. "Bringing the Global Economy into Action: the Role of National States and Private Factors." [Privedenie global'noj ekonomiki v dejstvie: rol' nacional'nykh gosudarstv i chastnykh faktorov] *International Journal of Social Sciences*, no. 28 (2000): 167–175] [In Russian].
- Сергеев, В.М., Кузьмин, А.С., Нечаев, В.Д., Алексеев, Е.С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Полис. – 2007. – № 2. – С. 8–17. [Sergeev, V.M., A.S. Kuzmin, V.D. Nechaev, and E.S. Alekseenkova. "Trust and Spatial Interaction of Social Networks." [Doverie i prostanstvennoe vzaimodejstvie social'nykh setej] *Polis*, no. 2 (2007): 8–17] [In Russian].
- Слизовский, Д.Е., Ожиганов, Э.Н., Алехнович, С.О. Стратегический анализ и прогнозирование политических процессов // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2008. – № 4. – С. 98–108. [Slizovski, D.E., E.N. Ozhiganov, S.O. Alekhnovich. "Strategic Analysis and Forecasting of Political Processes." [Strategicheskij analiz i prognozirovanie politicheskikh processov] *Vestnik RUDN*, no. 4. (2008): 98–108] [In Russian].
- Филиппов, А.Ф. Актуальность философии Гоббса // Социологическое обозрение. – 2009. – № 3. – С. 113–123. [Filippov, Aleksander. "The Relevance of Hobbes' Philosophy." [Aktual'nost' filosofii Gobbssa] *Sociological Review*, no. 3 (2009): 113–123] [In Russian].
- Харкевич, М.В. Государства-изгои как образ «другого» в мировой политике // Полис. – 2009. – № 4. – С. 99–110. [Kharkevich, Maxim. "Rogue States as an Image of the "Other" in World Politics. [Gosudarstva-izgoi kak obraz «drugogo» v mirovoj politike] *Polis*, no. 4 (2009): 99–110] [In Russian].
- Шугалей, М.А., Бурикова, И.С., Суханов, О.В., Юрьев, А.И. Триполи как социальный лифт для ИГИЛ (террористическая организация) / Коллективная монография по результатам исследований Максима Шугалея / Под науч. ред. проф. А.И. Юрьева. – СПб, 2020. – 115 с. [Shugaley, M.A., I.S. Burikova, O.V. Suhanov, and A.I. Yur'ev, ed. *Tripoli as a Social Elevator for ISIL (terrorist organization)*. [Tripoli kak social'nyj lift dlya IGIL (terroristicheskaya organizaciya)]. [In Russian].
- Юнгблуд, В.Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – № 13. – С. 52–79. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020>. [Yungblud, V.T. "The 1945 World Order – Process with «Open» Continuation." [Mirovoj porjadok 1945 g. – protsess s «otkryтым» prodolzheniem] *MGIMO Review of International Relations*, no. 13 (2020): 52–79] [In Russian].
- Bauman, Zygmunt. *City of Fears, City of Hopes*. London: Goldsmith's College, 2003.
- Brzezinski, Zbigniew. *Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower*. New York: Basic Books, 2007.
- Call, Charles T. "Beyond the 'Failed State': Toward Conceptual Alternatives." *European Journal of International Relations* 17, no. 2 (June 2011): 303–26. <https://doi.org/10.1177/1354066109353137>.
- DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell. "The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields." *American Sociological Review* 48, no. 2 (1983): 147–60. doi:10.2307/2095101.

Fukuyama, Francis. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Kagan, Robert. *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*. New York: Vintage, 2003.

Langer, Máximo. "Universal Jurisdiction is Not Disappearing: The Shift from 'Global Enforcer' to 'No Safe Haven' Universal Jurisdiction." *Journal of International Criminal Justice* 13, no. 2 (May 2015): 245–256. <https://doi.org/10.1093/jicj/mqv009>.

Melville, Andrei, ed. *Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States*. Preprint. Moscow: MGIMO – University Press, 2009.

North, Douglass C., John Joseph Wallis, and Barry R. Weingast. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575839>.

Olson, Mancur. *The Logic of Collective Actions. Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1965.

Taleb, Nassim Nicholas. *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable*. London: Penguin Books Ltd., 2010.

Urry, John. "Globalising the Tourist Gaze," published by the Department of Sociology, the Lancaster University, Lancaster, 2001. <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Urry-Globalising-the-Tourist-Gaze.pdf>.

Wallerstein, Immanuel Maurice, and Terence K. Hopkins. *World-Systems Analysis: Theory and Methodology*. Beverly Hills: Sage Publications, 1982.

Wallerstein, Immanuel Maurice. *The End of the World as we Know It: Social Science for the Twenty-first Century*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Сведения об авторе

Леонид Ефимович Бляхер,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии,

Тихоокеанский государственный университет,

Российская Федерация, 680035, Хабаровск, Тихоокеанская ул., 136.

e-mail: leonid743342@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 марта 2021. Принята к публикации: 5 мая 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Бляхер, Л.Е. Издержки глобального лидерства и «соседская» международная политика //

Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 21–34.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34>

The Costs of Global Leadership and Neighborhood International Politics

ABSTRACT

The article examines the trends in international relations that have emerged in recent years, including during the pandemic. According to the author, a clear international space structure in the vein of Immanuel Wallerstein's world-system, with equally clear rules of the game in such space is associated with the presence of an enforcer. The enforcer here is a country or group of countries that impose certain forms of communication on the international space, making the behavior of agents of the international political space predictable. Such a position for the enforcer, among other things, makes it possible to obtain benefits (material and status ones) that exceed its costs. This situation was not least determined by the relative homogeneity of the international space actors (States). However, in reality, as shown in the article, there are many more variants of polities in the world, which, under certain conditions, were convenient to imitate state political institutions. The conditions change is leading to actualization of such polities. The actualization of diversity results in a sharp escalation of the enforcer's costs, a drop in their effectiveness and the attractiveness of the enforcer's position itself. The leader bears more and more significant costs ceases to perform its functions. Here, in place of the institutional system set by the enforcer, comes a different way of organizing international relations – interpersonal trust, which arises and is strengthened by personal communication. Until recently, such “decision-makers' clubs” were not as bright as the enforcer, but they connected the global world. However, the pandemic also disrupts this type of communication or rather complicates it. As a result, the hierarchy of problems changes. The problems of domestic politics and the international problems that affect them come to the fore. Global politics is being replaced by “neighborhood” politics. In the age of the world without a global leader and regional players rivalry, tomorrow's “weight” of one country depends on how effectively it will be able to fit in the new type of political structure.

KEYWORDS

enforcer, international space, state, two-layer structures, neighborhood politics

Author

Leonid E. Bliakher,

Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, PhD in philosophy,
Pacific State University,

136, Tihookeanskaya Street, Khabarovsk, 680035, Russian Federation.

e-mail: leonid743342@mail.ru

Additional information

Received: March 20, 2021. Accepted: May 5, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Bliakher, Leonid E. “The Costs of Global Leadership and Neighborhood International Politics.”

Journal of International Analytics 12, no. 1 (2021): 21–34.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34>